

Курочкин Александр Вячеславович

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

Ключевой задачей статьи является критический анализ концепта "государственный суверенитет" в рамках одного из теоретических направлений "постпозитивизма" - теории сетевого общества. Автор обосновывает необходимость обновления данного концепта на примере двух социально-политических процессов начала XXI века: развития кибердиссидентства и мобилизации протестного электората посредством социальных сетей. Результатом такого обновления должна стать концепция государственного суверенитета, отвечающая децентрализованному характеру политической власти в условиях сетевого общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-3/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. III. С. 95-99. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Есть мнения, что постмодернизм сыграет положительную роль в новом подъеме философской мысли благодаря своим вызовам научной традиции [10, с. 132]. Действительно, множится количество работ о судьбе философии, неразрывно связанной с судьбой общества. Но это случится благодаря научной традиции, а постмодернизм заслуженно следует считать одним из главных интеллектуальных источников современного агностицизма в социальных науках [5, с. 17].

Список литературы

1. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006. 269 с.
3. Гобозов И. А. Куда катится философия: от поиска истины к постмодернистскому трепу. М.: Издатель Савин С. А., 2005. 202 с.
4. Гобозов И. А. Философия как постижение эпохи // Философия и общество. 2003. № 3. С. 58-77.
5. Готнога А. В. Прогнозирование истории: теория и методология. М.: Гуманитар. изд. центр «Владос», 2007. 222 с.
6. Зыкова Г. Н. Постмодернистская культура и социальное познание // Философия и общество. 2001. № 4. С. 156-175.
7. Кузнецов В. Н. Историко-философский балаган «постмодернизма» («Театр масок» Жюль Делёза) // Философия и общество. 2000. № 4. С. 114-134.
8. Лукач Дж. Конец двадцатого века и конец эпохи модерна. СПб.: Наука, 2003. 256 с.
9. Патрушев А. И. Некоторые тенденции в развитии западной исторической науки на пороге XXI века // Историческая наука в XX веке: историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. М.: Простор, 2007. 432 с.
10. Ратников В. П. Постмодернизм: истоки, становление, сущность // Философия и общество. 2002. № 4. С. 120-132.
11. Современная западная философия: энциклопедический словарь. М.: Культурная революция, 2009. 392 с.
12. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
13. Хабермас Ю. Расколотый Запад. М.: Весь мир, 2008. 192 с.
14. Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2007. 272 с.

POSTMODERNISM: PHILOSOPHY OF CRISIS AND CRISIS OF PHILOSOPHY

И'ya Vladimirovich Kupryashkin
Department of Social Sciences
Far Eastern Federal University
kupersuper@mail.ru

The author tries to comprehend postmodernist conceptions influence on modern social science, and believes that social philosophy, like the whole social science, is currently in the state of crisis. One of the most publicized, competing directions, each of which is based on its own vision of social reality, is postmodernism. The latter not only reflects modern society crisis but acts as a symptom of this crisis. At present, without suggesting any positive solutions and programs, it is one of the main intellectual sources of agnosticism in social sciences.

Key words and phrases: modern; postmodern; objective truth; progress; capitalism; globalization; crisis of philosophy; meta-narration; discourse; deconstruction.

УДК 321.01

Политология

Ключевой задачей статьи является критический анализ концепта «государственный суверенитет» в рамках одного из теоретических направлений «постпозитивизма» - теории сетевого общества. Автор обосновывает необходимость обновления данного концепта на примере двух социально-политических процессов начала XXI века: развития кибердиссидентства и мобилизации протестного электората посредством социальных сетей. Результатом такого обновления должна стать концепция государственного суверенитета, отвечающая децентрализованному характеру политической власти в условиях сетевого общества.

Ключевые слова и фразы: государственный суверенитет; сетевое общество; национальное государство; глобализация; социальные сети.

Александр Вячеславович Курочкин, к. соц. н., доцент
Кафедра российской политики
Факультет политологии
Санкт-Петербургский государственный университет
alexkur@bk.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА
В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА[©]**

Проблема обновления понятия «государственный суверенитет» вновь стала актуальной в последние десять лет, в связи с дискуссией, развернутой представителями различных направлений постиндустриализма и

постмодернизма относительно будущего национального государства, его форм и функций в современном мире. Среди этих направлений особо следует выделить концепцию сетевого общества, которая определяет собственный подход к данной проблеме, требующий более тщательного рассмотрения и анализа.

В политической теории различают несколько исторически сложившихся подходов к интерпретации понятия «суверенитет».

Изначально оно возникло в XVI веке как необходимый принцип функционирования государственной власти, призванный обеспечить ее концентрацию (в руках монарха) и независимость от католической церкви. Классическое и долгое время считавшееся незыблемым определение «суверенитета» как абсолютной и непрерывной власти государства, данное Жаном Боденом в трактате «Шесть книг о государстве» (1576 г.), как раз и сводило его смысл к значению «независимость» [3].

Новый подход к определению суверенитета, отталкивающийся от анализа его источников, был представлен в трактате Томаса Гоббса «Об общественном договоре» [5]. Ключевой в гоббсовской договорной модели стала концепция государства-суверена, власть которому делегирована членами общества, заинтересованными в обеспечении соблюдения условий общественного договора. Это, в свою очередь, накладывает определенные ограничения на суверенитет правителя: он вынужден следовать формальным правилам «Общественного договора», т.е. Конституции и законам.

Другую позицию в определении суверенитета обосновал позднее Ж.-Ж. Руссо, представив т.н. концепцию «народного суверенитета». Ее основаниями были: признание в качестве суверена всего народа («политического организма» или «коллективного существа»), а не отдельного лица или группы лиц, а также признание безграничности власти этого суверена (народа), основанной на общей воле [14]. Позднее, на неразделимости суверенитетов народа и правителя настаивал Г. Гегель, критиковавший концепцию «народного суверенитета» Руссо: «Народ, взятый без своего монарха и необходимо и непосредственно связанного именно с ним расчленения целого, есть бесформенная масса, которая уже не есть государство и не обладает больше ни одним из определений, наличных только в сформированном внутри себя целом, не обладает суверенитетом, правительством, судами, начальством, сословиями и чем бы то ни было» [4, с. 320].

Важное дополнение в содержание понятия «государственный суверенитет» внес К. Маркс, раскрывший его экономическую основу. В качестве таковой Маркс полагал собственность на землю и основные средства производства. Так, в отношении государств Древнего Востока он прямо отмечает: «Суверенитет здесь – земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе» [12, с. 354].

Новое политико-правовое значение понятия «суверенитет» было предложено в 1920-е годы Карлом Шмиттом, разрабатывавшим его в традиции веберовской концепции права государства на легитимное насилие. Трактат Шмитта утверждает абсолютное право суверена (государства) на самостоятельность и независимость принятия решений в чрезвычайной (читай, не определяемой правом) ситуации: «Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении... Суверен стоит вне нормально действующего правопорядка и все же принадлежит ему, ибо он компетентен решать, может ли быть *in toto* приостановлено действие конституции» [16, с. 15-17]. Суверенитет для Шмитта неотделим от государства и государственной власти, и в этом смысле он скорее апеллирует к Гоббсу и Бодену, нежели к Руссо.

Политико-правовая теория суверенитета Шмитта внесла значительную методологическую строгость и стройность в данный вопрос. Ее основная заслуга заключается в обосновании принципов функционирования механизма легального господства и придании завершенного вида веберовской трактовке различных типов политичекой власти. Однако она же в значительной степени сужает понятие «суверенитет», низводя его к абсолютизируемому праву государства на легитимное насилие, что в начале XXI века представляется, по меньшей мере, спорным.

Современные концепции суверенитета, исходящие как из лагеря неолибералов, так и их противников неореалистов, в целом базируются на классических теоретических предпосылках, восходящих к политической традиции XVIII-XIX вв. и лишь частично модернизированных под влиянием процесса глобализации, определившей конец экономического национализма (по выражению Дж. Гэлбрейта) и необходимость совместного решения глобальных проблем современности, требующих, в свою очередь, ограничения суверенитета отдельных государств. Радикально обновленный взгляд на проблему суверенитета, как было отмечено выше, изложен в работах представителей современной волны постиндустриализма, а также постмодернизма, объединяемых некоторыми авторами в общее научное направление «постпозитивизм» (см. напр.: [15]). В рамках «постпозитивизма» наиболее взвешенной и аргументированной концепцией, обосновывающей необходимость содержательного обновления наших представлений о государственной власти и суверенитете, представляется теория сетевого общества, разработанная М. Кастельсом и его последователями.

В соответствии с ней сетевое общество определяется следующими основными характеристиками:

1. Сменой доминирующего ресурса власти. Доступность информации позволяет достаточно быстро оценивать те или иные решения, принимать их самостоятельно, что практически лишает смысла традиционный взгляд на управленцев (как, впрочем, и представителей других профессий: инженеров, врачей) как владельцев эксклюзивного, недоступного другим знания. Т.о. власть, основанная на обладании информационным ресурсом, постепенно уступает место власти, основанной на креативном ресурсе, обеспечивающем возможность создавать новое знание.

2. Ростом индивидуализации социальных и политических коммуникаций, «которые вынуждают людей ради собственного материального выживания ставить себя в центр планирования и осуществления собственной жизни. Индивидуализация в этом плане направлена на ликвидацию жизненных основ мышления в традиционных категориях крупных общественных групп – социальных классов, сословий или слоев» [2, с. 106].

3. Переформатированием современной культуры в «культуру реальной виртуальности», под которой Кастельс понимает «систему, в которой сама реальность (т.е. материальное/символическое существование людей) полностью схвачена и погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, где внешние отображения не просто находятся на экране, но сами становятся опытом» [1, с. 137]. При этом новые технологии «не отделяются от традиционных культур – они их абсорбируют» [8, с. 349].

4. Становлением принципиально нового экономического базиса, пришедшего на смену как устаревшему классическому капитализму, так и чрезвычайно популярному в XX веке этатизму: «Знания и информация становятся ключевыми источниками производительности и конкурентоспособности... Новая экономика организована вокруг информационных сетей, не имеющих центра, и основана на постоянном взаимодействии между узлами этих сетей, независимо от того, локальные они или глобальные» [10, с. 28].

В результате всех указанных социально-экономических и социокультурных изменений в условиях сетевого общества неизбежно трансформируются роль, функции и структура государства и государственного управления. Распространение новых форм демократии, существенное расширение круга субъектов, участвующих в принятии политических решений, требуют трансформации бюрократического стиля управления и основанной на строгой иерархии структуры управленческих организаций. На смену традиционному национальному государству должно прийти новое государство, основанное, по мысли Кастельса, «на сети политических институтов и органов принятия решений национального, регионального, местного и локального уровней, неизбежное взаимодействие которых трансформирует принятие решений в бесконечные переговоры между ними» [Цит. по: 13, с. 224]. Развивая идеи Кастельса, известные эксперты в сфере государственного управления и урбанистики Дж. Дзадз, Г. Стокер и Х. Вольман писали, что сетевая структура обеспечивает особый язык и систему координат, в рамках которой современная управленческая реальность может быть проанализирована в ином свете. В этой системе координат государство теряет свое исключительное положение центра принятия административных и политических решений, а сам процесс управления становится значительно более сложным, включающим множество акторов, имеющих, как правило, разнонаправленные интересы [17]. На глобальном уровне управления (*global governance*) исследователи пишут о возможности и целесообразности формирования единой системы транснациональных сетей, нацеленной на выполнение ряда функций, делегируемых ей со стороны отдельных государств, и связывающей воедино международные организации, государства и негосударственные структуры [19].

В рамках данной статьи мы проанализируем проблему трансформации государственного суверенитета на примере двух сюжетов, отражающих, как нам представляется, наиболее значимые политические новации становящегося сетевого общества.

Первый сюжет касается главного ньюсмейкера последних лет информационного сайта *WikiLeaks* и его основателя Джулиана Ассанжа. Несмотря на сомнительную славу последнего, именно феномен *WikiLeaks* обозначил одну из важных демаркационных линий, проводящих различие «старого» (основанного на иерархии и жестком правовом порядке) и «нового» (уже растворенного в глобальных сетях) государства, а также противоречивость и конфликтность этих двух модальностей.

WikiLeaks анализируется сегодня в самых разных аспектах. Доминирующим стал конфликт права общества на информацию и права государства на секретность, интерпретируемую как одно из ключевых условий национальной и политической безопасности. При этом представители «государственной» точки зрения стремятся перевести этот конфликт в несколько иную плоскость – плоскость конфликта между правами личности и правами общества, аргументируя необходимость соблюдения секретности безопасностью конкретных агентов разведки и сотрудников дипломатических служб. Именно в нарушении их частных прав на безопасность и жизнь обвиняют многочисленные представители США, Великобритании и др. государств основателя *WikiLeaks* Джулиана Ассанжа. Так, госсекретарь США Хиллари Клинтон заявила после одной из первых публикаций секретных документов на сайте *WikiLeaks*: «Мы должны совершенно четко осудить раскрытие любой секретной информации организациями или частными лицами. Это ставит под угрозу жизни как военнослужащих Соединенных Штатов, так и их партнеров по коалиции, мирных граждан. Это угрожает нашей национальной безопасности и безопасности наших союзников» [Цит. по: 6, с. 24]. Здесь отчетливо проявляется стремление государственной власти отстоять традиционное содержание концепта «суверенитет», невзирая на существенно изменившиеся социальные, политические и культурные условия. Такое стремление чаще всего приводит к ситуации, когда государство, пользуясь концептом суверенитета, искусственно помещает большинство важных для него вопросов в сферу безопасности и тем самым создает квазилегитимную основу для подавления любой оппозиции» [15, с. 17].

При всей дискуссионности феномен *WikiLeaks* не следует рассматривать как политическую игру или попытку экстремального эпатажа. Он обрел свою идеологию и превратился в достаточно широкое в смысле географии и количества последователей движение. В течение 2010–2011 гг. один за другим появлялись клоны *WikiLeaks*, работающие в определенном регионе мира. Для контроля и обнародования информации, не предназначенной для широкого пользователя, в Евроне был создан сайт *BrusselsLeaks*. На Балканах заработал локальный сайт *BalkanLeaks*, в Чехии – *PirateLeaks*, и даже в такой далекой казалось бы от западных социально-политических трендов стране как Индонезия был создан «национальный» сайт *IndoLeaks*.

На глобальном уровне формируется новая, более совершенная платформа *OpenLeaks*, направленная на прием, обработку и публикацию любой информации. В интернете ширится движение верных последователей *WikiLeaks*, кибердиссидентов – «анонимы» (*Anonymous*). Именно «анонимы» сформулировали (пусть пока и не вполне в совершенном и законченном виде) идеологический манифест нового социального движения, инициированного деятельностью *WikiLeaks*:

«Мы живем в цифровую эпоху. Технологии XXI века позволяют государствам глубоко проникать в частную жизнь граждан, и правительства используют эти новые возможности по максимуму... Без должного контроля со стороны граждан, законодательных ограничений и уважения по отношению к фундаментальным человеческим ценностям законные действия корпораций и правительств могут легко привести к злоупотреблениям. Однако те же самые инструменты, которые облегчают эти действия, предоставляют нам возможность сопротивляться и бороться за наши гражданские права. Они также позволяют нам обличать преступления, коррупцию и злоупотребления со стороны властей, о которых иначе бы никто и не узнал. Наша кампания в поддержку *WikiLeaks* — это не мелкий вандализм. Наша единственная цель состоит в том, чтобы продвигать демократические ценности ради общего блага» [11, с. 1].

Главный вывод, который следует из «дела *WikiLeaks*», — это значительный рост в условиях становления сетевого общества и меняющей свою форму и инструментарий публичной сферы общественно-политического влияния малых групп и отдельных индивидов. Именно они становятся сегодня значимыми акторами как во внутренней политике, так и на мировой арене. Важно, что этот процесс происходит одновременно с утратой в сфере международных отношений традиционного авторитета и, отчасти, суверенитета национальными государствами и их объединениями. Международные отношения превращаются сегодня в разнородный и многоакторный процесс взаимодействия, реализуемый в различных, часто негосударственных формах.

Второй сюжет, не менее популярный, чем деятельность *WikiLeaks*, — это т.н. сетевые или интернет-революции, охватившие в 2009-2011 гг. ряд государств Восточной Европы, Ближнего Востока и Северной Африки. Впервые тесная связь протестной активности и социальных сетей была обозначена американским политологом российского происхождения Е. Морозовым после событий 2009 г. в Молдове. Именно он стал автором расхожего выражения «*Twitter*-революция», обретшим поистине всемирную популярность после событий т.н. Арабской весны в конце 2010 — начале 2011 г. [18]. В результате, общим местом в политических и околополитических дискуссиях последних лет стало представление о социальных сетях как о наиболее эффективном на сегодняшний день инструменте политической борьбы.

Какова же истинная роль новых сетевых технологий в процесс протестной мобилизации? Несут ли они реальную угрозу государственному суверенитету? Опираясь на имеющийся сегодня значительный материал, описывающий политические протесты и их предварительные итоги в Северной Африке, странах Ближнего Востока, а также на постсоветском пространстве, можно вполне определенно сказать, что сами по себе социальные сети и сопряженные с ними технологии на сегодняшний день пока не стали эффективными прикладными инструментами политической борьбы. Это связано, как минимум, с тремя причинами: а) виртуализацией политической активности, в ходе которой утрачивается ответственное (т.е. учитывающее реальные последствия решений и действий) отношение к политике, при этом чрезвычайно распространяются иллюзорные, виртуальные формы политического участия, теряют истинное значение и подменяются суррогатными формами такие социальные ценности как солидарность, дружба и пр. В англоязычной политологической литературе для обозначения этого феномена применяют даже специальный термин *Slacktivism*, обозначающий политическую активность в социальных сетях, не имеющую, как правило, дальнейшего продолжения в реальной политике [Ibidem]; б) предельным упрощением политического дискурса в сетях, который носит в большинстве случаев поверхностный характер, легко направляем извне и крайне чувствителен к новому контенту любого содержания; в) сравнительно низким уровнем политизации «блогосферы». Даже примитивные формы политической дискуссии занимают сегодня не более четверти общего объема содержания «блогосферы».

Тем не менее, социальные сети и другие формы интернет коммуникации формируют уже сегодня новую культуру публичности, которая в перспективе станет доминировать в политическом пространстве и определять повестку дня социальной и политической активности. В этом смысле они, безусловно, трансформируют традиционные представления о государственном суверенитете.

Государственный суверенитет, понимаемый в рамках веберовской традиции как неотъемлемое и абсолютное право государства не просто находиться на вершине властной пирамиды, но и целиком и полностью обеспечивать всю институциональную конструкцию этой пирамиды, оказывается сегодня под вопросом. Иерархическая структура политической власти перестраивается сегодня в крайне сложную сетевую конструкцию, где нельзя однозначно определить единственного субъекта принятия решений, обладающего абсолютным суверенитетом.

Список литературы

1. **Абрамов Р. Н.** Сетевые структуры и формирование информационного общества // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 133-141.
2. **Бек У.** Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. **Боден Ж.** Шесть книг о государстве // Антология мировой политической мысли: в 5-ти т. М., 1999. Т. 2. С. 689-695.
4. **Гегель Г. В. Ф.** Философия права. М., 1990.
5. **Гоббс Т.** Избранные произведения. М.: Мысль, 1965.
6. **Горбатюк Н.** *WikiLeaks*. Разоблачения, изменившие мир. М.: Аспект Пресс, 2010.
7. **Гэлбрейт Дж. К.** Экономические теории и цели общества. М., 1976.
8. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
9. **Кастельс М.** Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 494-495.

10. Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество: аналитическое исследование // Мир России. 2000. № 1. С. 23-51.
11. Манифест анонимов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/Doc/1557064> (дата обращения: 20.09.2012).
12. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 25. Ч. II.
13. Новая постиндустриальная волна на Западе / под ред. В. И. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
14. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: трактаты / пер. с фр. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998.
15. Сергунин А. А. Суверенитет: эволюция концепта // Политэкс: политическая экспертиза. 2010. № 4. С. 5-22.
16. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.
17. Judge G., Stoker G., Wolman H. Theories of Urban Politics. L.: Sage, 1995.
18. Morozov E. The Net Delusion: the Dark Side of Internet Freedom. N. Y.: Public Affairs, 2011.
19. Slaughter A. The Real New World Order // Foreign Affairs. 1997. Vol. 76. № 5. P. 123-131.

STATE SOVEREIGNTY TRANSFORMATION IN NETWORK SOCIETY FORMATION

Aleksandr Vyacheslavovich Kurochkin, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Department of Russian Politics
Faculty of Political Science
St. Petersburg State University
alexkur@bk.ru

The author presents the critical analysis of the concept “state sovereignty” in the framework of one of the theoretical directions of “post-positivism” - the theory of network society, substantiates the need to renovate this concept by the example of two social-political processes of the beginning of the XXIst century: cyber-dissidence development and protest electorate mobilization by means of social networks, and tells that the result of this renovation should be the concept of state sovereignty, corresponding to the decentered nature of political power under the conditions of network society.

Key words and phrases: state sovereignty; network society; nation state; globalization; social networks.

УДК 76

Искусствоведение

Статья посвящена становлению аниме, его отличию от манга — родственного направления изобразительного искусства. Автор акцентирует внимание на основных этапах развития аниме в первой половине XX века, выявляет влияние метода ограниченной анимации, работ отдельных художников и студий, цвета как составляющей символично-графической системы на формирование стилистики аниме. В работе рассмотрены основные различия между манга и аниме, показаны особенности художественно-технологического процесса их создания.

Ключевые слова и фразы: аниме; манга; искусство; стилистические особенности; графика; символ; жанр; эстетика; сюжет; персонаж; ограниченная анимация; художественно-технологический этап.

Владимир Юрьевич Леонов

Кафедра теории и истории культуры
Московская академия образования Натальи Нестеровой
dante7r@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ АНИМЕ, ЕГО ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ, РАЗЛИЧИЯ С МАНГА И ХУДОЖЕСТВЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ СОЗДАНИЯ[©]

Аниме — японская анимация — популярно не только у себя на родине, но и за её пределами, в том числе и в России. Отчасти этой популярности способствует разноплановость жанров и категорий зрителей: в отличие от большей части анимационных фильмов других стран, предназначенных главным образом для детей, аниме, как и манга, охватывает и «взрослую» аудиторию. Однако главным достоинством аниме является уникальная эстетическая среда, формирующая особый стиль, благодаря которому аниме невозможно спутать с аналогичными произведениями мировой индустрии в области анимации. При этом в России на данный момент времени фактически не проводится фундаментальных исследований аниме как художественного явления и, соответственно, крайне мало научной литературы посвящённой данной тематике. Рассмотрим основные этапы становления и развития аниме в первой половине XX века, выделим факторы, влияющие на формирование особой стилистики аниме, проведём анализ различий между манга и аниме, а также разберём художественно-технологический процесс создания аниме.

Аниме представляет собой родственное манга направление изобразительного искусства. На их связь указывает тот факт, что собственно термин «аниме» появился только в 70-х годах XX века, а до этого использовался термин «манга-эйга» — «манга-кино». Аниме происходит от английского «animation» — анимация,